

ВОСПОМИНАНИЯ²

Родилась я в Нижнем Новгороде, в 1843³ году, 17 ноября.

Собственно говоря, ни отец, ни мать моя актёрами не были; хотя в юности мой отец и был «танцором», но сцену не любил и при первой возможности её оставил. Хотя, волей-неволей, он состоял и далее при «театре», но не в качестве актёра, а «управляющего делами театра». Зато бабушка моя, Настасья Ивановна Пиунова, – с детских лет играла сначала на «барской», а затем и на «вольной» сцене. Я, правда, почти не помню её как артистку, но много слышала о её недюжинном даровании и успехах на сцене.

Бабушка моя была крепостною князя Шаховского, богача-магната 20-х годов, человека гуманного, просвещённого, высокого по уму и образованно, – разумеется, для своего времени. О богатстве князя и его личности можно составить понятие хотя бы и по рассказам моей бабушки.

«Меня, – рассказывала бабушка, – привезли из деревни в лаптях; было мне тогда лет десять. Вымыли меня, одели и поместили в *девичьей*». Девичьей назывался особый флигель при доме князя, где жили одни девицы из труппы князя, а их было очень и очень немало. Труппа князя Шаховского, пожалуй, могла бы равняться, по своей многочисленности, с труппой Императорских театров; – у князя собственно было три труппы: драматическая, оперная и балетная. *Девичьи* содержались строго «под замком». При них были приставлены «мамушки», т. е. пожилые женщины, вполне, по мнению князя, благонадежные. На репетицию и в спектакли девиц возили в каретах и, по доставлении в театр, сажали

1 Существует ещё и следующее современное написание фамилии автора мемуаров: Шмидтгоф. Здесь мы приводим фамилию в том виде, в каком она представлена в фундаментальном издании: «Театральная энциклопедия», т IV, «Советская энциклопедия», М., 1965. (Ред.).

2 Из книги Н.Ф. Юшкова «К истории русской сцены. Екатерина Борисовна Пиунова-Шмидгов в своих и чужих воспоминаниях». Казань. 1889. Типография Губернского Правления. **«Воспоминания»** Е.Б. Пиуновой-Шмитгоф публикуются в редакции настоящего журнала и ограничены рамками жизни автора, связанной с Нижегородским театром. Из «Вступления» Н.Ф. Юшкова к вышеупомянутой книге: «В недалеком будущем на сцене Казанского городского театра состоится бенефис Екатерины Борисовны Пиуновой-Шмидгоф. Этот бенефис, вместе с тем, будет и юбилейным спектаклем для артистки, так как исполнилось 30 лет, как Екатерина Борисовна впервые выступила на подмостки Казанского театра. < ... > Понятно, что, во время своего продолжительного служения на сцене, она много видела, переиспытала, а потому много может и порассказать интересного. Вот почему я, много лет зная Е.Б. Пиунову-Шмидгоф, не раз имел удовольствие слышать её рассказы о прошлом и кое-чем уже воспользовался из них при составлении моей статьи о М.С. Щепкине. Тогда же, т. е. в прошлом году, когда я работал над статьей о Щепкине, я, в моих беседах с Екатериной Борисовной, просил её – заняться составлением её мемуаров, а теперь – в виду её бенефиса-юбилея, настоял, чтобы она позволила мне поделиться её рассказами с публикой, и чтобы набросала на бумаге важнейшие из своих воспоминаний. Почтенная артистка согласилась исполнить мои неотступные просьбы, и теперь я имею удовольствие привести ниже её рассказы, частью записанный ею самою, частью мною, с её слов, – вот почему я их и буду излагать безразлично – от первого лица, от лица артистки...». (Ред.).

3 Н. Шмидтгоф, сын Е.Б. Пиуновой-Шмитгоф, в «Воспоминаниях о Шевченко» (см. примечание на стр. 8) говорит о возрасте матери: «Это было в 1897 году; ей было уже пятьдесят шесть лет». То есть, год её рождения – 1841. Давно известно, что некоторые актрисы скрывают свой возраст. (Ред.).

в особую уборную, с *мамками*, откуда и выкликались на сцену режиссёром; – да и на самой сцене, во время репетиций, постоянно находилась другая *мамушка*, сиречь «сторожея». Разговаривать с мужским персоналом труппы не дозволялось. Впрочем, по достижении «девицами» двадцатипятилетнего возраста, князь имел обыкновение выдавать их замуж, и делалось это так: докладывается, например, князю, что вот-мол такой-то и такой-то «девице» уже двадцать пять годков – то «как прикажете?» Тогда князь призывал к себе своих артистов-мужчин, спрашивал кому из них нравится которая-либо из двадцатипятилетних артисток и, узнавши, вызывал «артисток», объявлял им об таком «излиянии» и – свадьба готова!... Князь, обыкновенно, сам благословляя обручённых и давал приданое, а также, после свадьбы, молодым назначалось и особое жалованье.

Собственно содержание всей труппы, или всех трупп, получалось от князя; как то: квартира, отопление, освещение и стол. Одежда «девицам», до выхода в замужество, тоже шла от князя и все одевались из княжеского материала; тоже и мужчины, – до женитьбы, конечно.

Образование «крепостных артистов» ограничивалось одной русской грамотой, причём «девиц» учили только читать, – писать же учить не дозволялось – в интересах нравственности, чтобы не переписывались ни с кем до замужества; только после замужества иные из «артисток» начинали «мазать» каракули, что уже не возбранялось, ибо с этих пор вся ответственность за их нравственность лежала уже на мужьях.

У князя были, конечно, свои «любимцы» и «любимицы», но никогда, по словам бабушки, не было «фавориток», в известном смысле, – так как князь был идеальный супруг и отец, а также и истинный христианин.

Пьесы ставились на княжеском театре таким порядком: князь не делал первоначально выбора их, а всё решалось на одной из последних репетиций, когда он высказывал свою волю: «быть» или «не быть»... «Бывало, – рассказывала бабушка, – учим-учим какуюнибудь пьесу, мучаемся-мучаемся, – а князю-то и не понравится... Встанет, бывало, жажнет рукой, табачку из золотой табакерки шибко так нюхнёт, да и скажет – «Ненужно!»... – Ну и начнут готовить другую пьесу»...

Всех своих артистов и артисток князь знал по именам и имел обыкновение *дарить* каждого именинника, соответственно возрасту и положению. Князь очень не любил грубых женских имен, а так как все его артистки привозились из «вотчин», то в числе их бывали, конечно, и Акульки и Матрёшки. Бывало, привезут новых девочек, обрядят их и ведут на показ князю и говорят имя. Если оно князю покажется грубым, – то князь тут же и даст другое.

Я сама знала двух бабушкиных подруг, которые, впоследствии, были помещены в богадельню, куда я, с бабушкой, ходила в гости, – так одну звали «Фатьма Павловна», а другую «Заря Андреевна» – это *имена княжеские*, а данные при святом крещении были: Акулина и Феврония. Бабушку мою князь также было назвал «Зоя», но «княжешюшка» – супруга князя – сказала, что и «Настя» хорошо, – так она Настей и осталась... Князь, по рассказам бабушки, был человек очень добрый и редко сердился – а «*поркой*» так и вовсе не занимался, – «а уж как бы иной раз следовало», – говаривала бабушка. «Если уж больно на кого, бывало, рассердится, из мужчин, то, разве табакеркой в которого пустит, и уйдет...».

Когда князь бывал особенно весел, то он придумывал разные удовольствия для своей «труппы». Вот, например, что дельвалось: «Привезут, бывало, осенью из его оранжерей воз винограду, – он и распорядится привязать его кистями на нитки и развесить в его городском саду на берёзы да липы, а когда эта операция оканчивалась, он велит давать звонок – с приказом: по звонку вести «девиц» в сад. Сам сядет, бывало, в кресла с колесиками и два камердинера возьмёт его по дорожкам. А он, батюшка, так-то весело покрикивает: Ну, девки, виноград созрел – собирайте!»

Чтобы «крепостные» артистки умели себя держать, изображая «дам общества», для этого они назначались каждый день, поочередно, на дежурство к княгине, с которой и проводили всё время в беседе, чтении и рукодельях. Иногда, например, велит «княгинюшка-матушка» принести чашку жемчуга и скажет: «Нижите, девушки». – А жемчугу-то у нашей княгинюшки было дадено в приданое целый *четверик!*¹... Далее, когда у князя давались балы, то артисты и артистки, конечно *первые сюжеты*, приглашались на них. Мужчинам-артистам не разрешалось при этом приглашать на танцы светских дам, но «мужчины-гости» считали за удовольствие пройти тур вальса с «крепостной» артисткой.

Делалось и ещё нечто большее в интересах театра. Там, например, пред постановкой пьес: «Горе от ума» и «Русские в Бадене», князь возил «на долгих» своих главных артистов и артисток в Москву в Императорский московский театр и на хоры московского благородного собрания во время блестящих балов, – чтобы они ещё лучше могли «воспринять» манеры светских людей!..

А вот кое-что, из рассказов бабушки о богатстве князя: В дни торжественных балов и обедов – серебро к столу из кладовых князя выдавалось дворецким столовому слуге *на вес, пудами!*.. Когда князь с княгинюшкой делали визиты, – то выезжали, бывало, в высокой золотой колымаге, шестернёй цугом, с 2-мя форейторами; сзади на запятках садились 2 гайдука, по бокам колымаги скакали 2 гусара верхами, а впереди шёл скороход!..

Теперь всё это кажется сказочным, – но это живой рассказ моей бабушки Настасьи Ивановны Пиуновой, урожденной Поляковой, скончавшейся здесь в Казани, в 1875 году, на 89 году от роду.

По смерти князя², по его милосердию и по его воле, – рассказывала бабушка, – было выдано 300 «вольных» или как тогда ещё говорили «отпускных», т. е. всей труппе, за исключением некоторой театральной прислуги и мастеровых³.

Все здания, оставшиеся после князя (его театры, городской и ярмарочный, с флигелями для «артистов» и пр.) были приобретены неким дворянином – богачём И.А. Распутиными – он же некоторое время держал и театр. К нему поступила и моя бабушка, бывшая в то время уже вдовой, со своим единственным сыном – моим отцом, которого она воспитала собственными трудами. Отец мой был взят тем же Распутиным в его домашнюю контору, так как он хорошо писал и считал. Бабушка же моя, хотя сама была первой трагической актрисой, не пустила своего сына на сцену, исполняя как своё, так и своего, горячо ею любимого мужа, желание; да и сам мой отец не чувствовал склонности к сцене, хотя при князе и танцевал в балетах.

Мой дед и его жена пользовались особой любовью князя и его милостями и, по кончине своего благодетеля, решили не пускать сына на сцену, так как были вполне уверены, что такого антрепренёра, каков был князь – им не найти: вот почему именно отец мой, уже с 16 лет, и сделался сначала конторщиком у нового антрепренёра, и затем много лет был полным «доверенным» лицом у всех последующих антрепренёров нижегородского театра.

Выше я уже говорила, что в дом князя моя бабушка была привезена 10-ти лет – возраст, который был назначен князем для начала обучения театральному искусству. В его же доме бабушка моя вышла замуж и

1 Четверик – старая русская мера сыпучих тел, равная 26,2 л. (С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М. Советская энциклопедия. 1972). (Ред.).

2 Князь Шаховской скончался в 1824 году. «Слишком четверть столетия протекло для князя Шаховского в служении Нижегородскому драматическому искусству» (А.С. Гациский).

3 У князя все ремёсла производились собственными мастерами и в собственных мастерских (Н.Ф. Юшков).

произвела на свет моего отца, там же она и женила его и все мы, его дети, – а нас было всего 12 человек, – родились тут же. Так что, когда впоследствии дом, где мы жили и все его службы, а все они были деревянные, стали грозить разрушением и были проданы на слом, что было в 1853 году, и нам предстояло выехать из дома, бабушка моя так сильно была этим огорчена, что тяжело заболела и её, больную, перевезли на новую квартиру; и она долго-долго плакала и наводила ужас и отчаяние на всех нас своею тоской и своими, раздирающими душу, воплями.

Новая наша квартира была недалеко от старого дома. Мне в это время было уже 11-ть лет. Я была любимой внучкой бабушки. «Катя!» говорит как-то раз бабушка: «пойдём-ка, сходим ещё раз взглянуть на наше бывшее гнёздышко!» – «Пойдёмте, бабушка, – отвечаю я, – только, чур – не плакать!» – А мне и самой-то, признаюсь, жутко было на нашей новой – скверненькой квартирёнке, по сравнению с помещением в старом доме, где мой батюшка, бывший уже лет с 20 управляющим, занимал хорошую квартиру. Кроме того в старом доме мне даже все дворники «честь отдавали», как дочери управляющего, да и все заборы дома были мною облазены, потому что шалунья я была преизрядная¹, да а ребят-то в нём жило штук до пятидесяти – то-то были игры и веселье!..

Вот и пошли мы с бабушкой «на старое пепелище». И видим около дома многое-множество народа – что-то такое, знать, ломать хотят? Так и есть – крыша на доме уже разобрана, да и дом замотан канатами... Только, как народ ухнул «дубинушку» – да стал валить дом – бабушка моя как сноп повалилась на землю – не выдержала старушка!..

В этом же году сгорел и бывший княжеский городской театр – и уж как же мы о нём плакали!..

Я такую маленькою появилась на сцене, что это кажется просто невероятным. Матушка моя говорила мне, что *в первый раз меня вынесла на сцену двух лет*, в драме «Окно во 2-м этаже», а лет трёх я уже «играла роль» в драме «Морской волк», где и проговорила, по рассказам, совершенно внятно: «Помилуй, Господи, папу, маму и дедушку Перика...», – в этом и состояла вся роль, но для трёхлетнего ребёнка и этого довольно. Лет шести – семи я уже отплясывала разные пляски и «разыгрывала» роли – и Боже сохрани исполнить что-либо неладно – чуть, что не так, отец наградит розгой. Он был очень строг и страшно самолюбив. Я была его дочь – следовательно, всё должна была делать отлично... Мама моя частенько, потихоньку от мужа, вместе со мной, проливала слезы, но, по-тогдашнему понятию обязанностей жены и женщины, не смела не только заступиться за меня, но положительно должна была молчать и преклоняться пред мужем, своим повелителем.

Я росла между тем чуть, не на руках у всех знаменитостей сцены того времени, так как в Нижний, на ярмарку, съезжались все знаменитости не только провинциальных, но и обеих столичных сцен московской и петербургской; – конечно, не все вместе, а попеременно – отыграют одни, и уедут, а на смену им явятся другие; но случилось и так, что одновременно гостит несколько знаменитостей.

Для примера приведу хотя то, как однажды было обставлено в Нижнем, во время ярмарки, – «Горе от ума»: Фамусов – М.С. Щепкин; Чацкий – И.В. Самарин, Репетилов – В.И. Живокини, Молчалин – В.И. Трусков (известный провинциальный артист, впрочем, главным образом нижегородский), Скалозуб – Ольгин (артист Императорского московского театра, – замечательно игравший Скалозуба).

И.В. Самарин и В.И. Живокини. были очень дружны с моим отцом, а бубушку мою Самарин звал обыкновенно не Настасья Ивановна, а «мама Пасхаль» – именем матери «Симона Сиротинки», в пьесе того же названия. Лучшими ролями И.В. Самарина в молодости были: Чацкого в «Горе от ума», Симона сиротинки – в пьесе «Симон Сиротинка» и глав-

1 В книге Н. Юшкова написано «преизрядная». (Ред.)

ная роль – в «Записках демона». И вот, играя много лет с моею бабушкой роль «Симона сиротинки», он и привык её звать «мама», – «мама Пасхаль» и до того любил её, что обращался с ней как с родной матерью и покровительницей. Так, например, уезжая после спектакля куда-нибудь с друзьями и опасаясь, что «растранижит» денюжки, он приходил всегда прощаться с бабушкой, целовал свою «мату Пасхаль» и вручал ей на хранение свой бумажник».

Василий Игнатьевич Жавокини, приезжавший не раз на гастроли в Нижний и даже некоторое время снимавший нижегородский театр, очень любил меня и восхищался моим, по его словам, «ярким» талантом, почему и предложил моему отцу отпустить меня с ним в Москву и обещал определить меня в тамошнюю театральную школу, что и исполнил в 1851 году. По окончании ярмарки этого года, во время которой гастролеровали в том году в Нижнем В.И. Живокини и И.В. Самарин, я с ними и «покатилась» в Москву. Железной дороги тогда от Нижнего до Москвы не было, а ходили «дилижансы» – кареты в два отделения, и вот в одном из них и сидели два знаменитые артиста, и с ними я – 7-ми-летний ребенок.

В эту же зиму Василий Игнатьевич и поместил меня в школу, где я тогда и была самой маленькой из всех, так что меня с трудом туда приняли и то потому, что на этом настаивал Живокини, фамилию которого я и носила в школе и даже звала его отцом, а его супругу – матерью.

Расскажу один анекдот, относящийся ко времени моего пребывания в школе, заставивший меня не мало плакать впоследствии, – показывающий мою детскую наивность. Раз за что-то рассердилась моя благодетельница, вторая мать, Матрена Карповна Живокини и начала мне делать какое-то наставление, причём я упорно молчала. Полагая, что я как бы не слушаю её слов, она спрашивает меня: «Что же ты молчишь? О чём ты думаешь?.. Что у тебя в голове?.. А?» Я отвечаю: «Ум!»

Этот ответ до того её рассмешил, что она долго не могла успокоиться и всем рассказывала этот случай. Рассказ её проник в нашу школу, где им меня до слёз и дразнили.

Покойная уже теперь М.К. Живокини вспоминала мне его, когда я была у ней в Москве, уже бывши замужем за М.К. Шмидгоф.

В школе я пробыла, однако, не долго – всего два года, обстоятельства моего отца сложились так, что потребовалось моё возвращение домой. Чтобы не возвращаться более ко времени моего пребывания в театральной школе, скажу, что в эту пору я видела тогдашних знаменитостей русского балета. Так, я хорошо помню ещё теперь бюст, выражение лица и даже костюмы знаменитой Фанни Эльслер.

Она была красивая брюнетка, высокого роста. Мне даже пришлось участвовать тогда в двух балетах: «Катарина» и «Эсмеральда», в которых она танцевала. Помню хорошо знаменитую Ирку Матиас и маленькую брюнетку, с армянским типом лица, Санковскую; особенно врезалось у меня в памяти исполнение её в балете «Сатанилла», вдовы Сатаниловой, где она является в разных видах, соблазняя кого-то. Главное, что меня особенно поражало – это её игра в последней картине балета, когда она взбирается на высокую гору, на которой был изображен храм, где и венчался её возлюбленный, и вдруг оттуда, с ужасной высоты, она стремглав скатывается вниз!.. Помню и Андреянову и тот отвратительный случай с кошкой, что был с ней. Полагаю, что пересказывать этот вопиющий случай с кошкой не стоит.

В школе я, разумеется, начала, как обыкновенно все начинали там – с балета. В балетах на сцене я участвовала тогда, впрочем, только «в группах», танцевать же меня ещё не назначали, хотя я уже танцевала хорошо. Учителем у нас в школе был тогда Манохин, а после него Монтасю. Хорошо помню я мою школьную жизнь, ясно, отчетливо. Что же мудрёного, если теперь у меня память плоха – видно утомилась, потому что, вот уже с которых пор я себя и других помню...

Без ошибки могу сказать, что играю сорок лет из сорока шести!.. Не правда ли – довольно!..

Ну, вернулась я снова в Нижний и, разумеется, снова очутилась на подмостках *нижегородского* театра...

Во время пожара нижегородского театра¹ мне было десять лет, но я была уже такой необходимостью труппы, таким её членом, что меня, вместе с бабушкой, причислили к труппе, которая отправлялась в Кострому, где был уже заарендован театр нашим нижегородским антрепренёром Ф.К. Смольковым. Мне было положено в Костроме 10 руб. в месяц жалованья, а бабушке поручался гордероб, с окладом в 15 руб. – вот на эти-то 25 руб. мы и жили!.. С этого года началась моя вполне сознательная и самостоятельная деятельность – я уже была артисткой!.. И не я при бабушке, а она при мне состояла!.. Из исполненных мною ролей в это время я особенно помню роль «Фаншеты», в водевиле «Жених нарасхват», где я бойко и самоуверенно пела, в ответ на адресуемую ко мне по пьесе фразу:

*«Как же это ты узнала,
Что тут много есть добра?»*

А я, повторяю, – бойко и самоуверенно отвечала, к несказанному удовольствию всей гогочущей публики:

*«Я по пальцам рассчитала,
Что уж замуж мне пора!...»*

Да и действительно: как не смеяться слыша эту фразу из уст десяти-летнего ребёнка!..

Но, кроме этой роли, я и танцами, кажется, обворожала костромичей. Насколько, впрочем, всё это было прекрасно – судить не мне вообще, а в том возрасте, в особенности – себя не видно. Но, должно полагать, что успех был, потому что меня постоянно приветствовали рукоплесканиями и криками «браво»!...

На следующую зиму, так как в Нижнем всё ещё не было театра – ныне существующий ещё не был отстроен, – я поехала, с бабушкой же, ставшей моей неизменной спутницей, но которая была уже при мне только в роли «аргуса» – в Пензу, к Докучаеву, – известному тогда провинциальному артисту-антрепренёру, теперь уже умершему. Жалованье он мне назначил 25 руб. в месяц и обеспеченный в 50 руб. бенефис.

В Пензе мне сразу посчастливилось. Протанцевала я в первый же спектакль «Качучу», а во второй сыграла Фаншету («Жених нарасхват» – и стала «любимицей», да настолько, что покойная теперь Александра Петровна Докучаева – жена антрепренёра, в то время красавица-женщина, лет тридцати и прелестная актриса, обладающая при этом громадным и чудным голосом – и та, было, приревновала меня к публике. А как она, само собою понятно, имела влияние на сцену – то, с досады, и дала мне роль «Мишки», в «Ревизоре», на что я, как *балерина*, ужасно обиделась. Как же это, мол, – вдруг такая проза: «щи, каша и пироги!»...

Но, мир был скоро водворён, потому что вздумалось самой Александре Петровне для своего бенефиса поставить оперу «Волшебный стрелок». Она должна была играть и петь *Агату*, муж её, т. е. г. Докучаев, *Макса* – а *Анеты*-то и нет!.. Вот когда *маленькая Катя* и понадобилась. Принялись за «Фрейшюца». Стали учить и выучили... Спектакль прошёл блестяще; сбор полный; бенефициантке букеты, подарки, и меня не забыли. Александра Петровна, на другой день, розовой кисеи 10 аршин мне подарила – и моему счастью конца не было!..

1 Нижегородский театр сгорел в январе 1853 года. (Ред.).

В свой бенефис я поставила, по воле антрепренёра, пьесу: «Лев Гурьч Синичкин», играла, конечно, *Лизок* и танцевала «па-де-шаль».¹

Кроме выговоренных от антрепренёра 50-ти рублей, я получила от губернатора 10 руб., а от публики три подноса с фруктами и конфектами – как ребёнок и два сердоликовых браслета, на резиночке, с подвесками якоря, креста и сердца – самыми модными брелоками того идеального времени, означающими, как известно: «терпи, надейся и молись»! Ах, золотое время – где ты?..

1856 – 1857 год я играла в Нижнем уже во вновь отстроенном театре.

К этому времени относится и мое знакомство со знаменитым поэтом Тарасом Григорьевичем Шевченко, осчастливившим меня тогда своим вниманием и даже сделавшим мне величайшую честь – предложение стать его супругой... Тогда, 15-ти летняя девчонка, я, конечно, не могла оценить этого великого человека, но за то всю жизнь потом гордилась и горжусь тем, что обратила на себя его внимание.

Расскажу здесь и знакомство наше с Тарасом Григорьевичем и его предложение, сделанное крайне просто и оригинально.

Но прежде два слова вот о чём: у барышень сороковых-пятидесятых годов всегда должен был быть альбом, куда вписывались стихи на память. Был такой альбом и у меня. И чего-то, чего в нём не было; например: «Прости в последний час разлуки, не ломай себе руки и не забудь такого-то» ... или: «На последнем на листочке напишу четыре строчки»... Так вот в такой-то альбом написал мне, глупой девочке, и Шевченко. Привожу написанное им на память, ибо альбом мой зачитал один из «любителей» литературы, выпросивший его ненадолго:

*Утоптала стёжечку через яр,
Через горы, серденько, на базар,
Я два шага – три шага прошла,
За копейку дударя найняла.
Заграй мени, дударю, у дуду,
Нехай же я своё лышенько забуду!*

Тарас Григорьевич бывал у нас каждый день и все его ужасно любили – ну, ещё бы умницу-то такого не любить!.. Уж, как ни была проста моя семья, а ведь инстинкты-то добрые и в ней были!..

Особенно любили его наши малыши, которых и он, как, повидимому, и вообще детей, крепко любил. Мои братья и сестры положительно, бывало, его облепят, и он с ними по целым часам забавляется, поёт им малороссийские песни. Особенно забавляла ребят песня, которую он их выучил подпевать хором:

*«Поведу козла на базар
Накуплю белил-румян
Хор:
«Ах, чеберики-чок – чебери,
Жена, мила, бай-говори!..*

.....

Ребята так «начеберикались», что самые маленше из них, не могшие выговорить «Тарас Григорьевич», звали его не стесняясь – «Чеберик» или «Чок-чеберик».

Так вот, в одно из таких обыденных посещений, вдруг Тарас Григорьевич заявляет, что ему нужно что-то сообщить важное.

1 Па де шаль – танец с шалью. В XIX веке – модный сольный дамский танец. Чтобы шаль была послушной, в её концы вшивались тяжелые золотые или серебряные шарик. Это – танец-импровизация, где особое значение имела игра с шарфом и плавное красивое движение рук. (Ред.).

«Слушайте-ка, батько и матко, – он очень часто так называл, любя, моих отца и мать, и говоря, обыкновенно, мешал русские слова с малороссийскими, – и ты, Катруся, – так он всегда звал меня, – прислухай. Вы давно меня знаете, видите: вот я какой есть – такой и буду. У вас, батько, и матко, есть товар, а я купец – отдайте мне Катрусю!..»

Как не любили мы все Тараса Григорьевича, но тут вся семья свету Божьего не взвидела – ведь товару-то пятнадцать лет ещё полных не было, а купцу-то под пятьдесят!..

Да и вообще, что в нём было жениховского? Сапоги смазные, дегтярные, тулуп чуть не нагольный, шапка самая простая, барашковая, да такая страшная и, в патетические минуты Тараса Григорьевича, хлопающаяся на пол, в день по сотни раз, так что, если бы она была стеклянная, то часто бы разбивалась. Да, всё это тогда представилось да вспомнилось, а о душевном мире, об уме великого поэта позабыли – разуму не хватило!..

После долгих, жарких разговоров решили – ждать год, а то и два...

Уехал Тарас Григорьевич вскоре в Питер, и кто же не помнит, что творилось во время его приезда туда!..

Много писем было получено моим отцом от Тараса Григорьевича, – а прямого отказа всё не было, но... приехал из Екатеринбурга Максимилян Карлович Шмидгоф и произвел на Катрусю сильное впечатление... Так что как-то на Пасхе послали Тарасу Григорьевичу ответ с окончательным отказом.¹

Во время пребывания Тараса Григорьевича в Нижнем в гости к нему приезжал *Михаил Семёнович Щепкин* и, по желанно Тараса Григорьевича и нижегородцев, узнавших о приезде великого артиста, он сыграл несколько спектаклей – спектаклей пять или шесть, но, сколько именно, теперь, наверное, сказать не могу.

Любя меня как своё родное детище, и даже, как теперь уже известно из рассказанного выше, и ещё горячее, Тарас Григорьевич, а ему в угоду и Михаил Семенович, – учили меня малороссийскому языку и вдолбили роль «Тетяны», в оперетте «Москаль Чаривник», так что и по сейчас я её как «Отче наш» знаю.

Говорить о том, что делалось в театре, во время короткого пребывания М.С. Щепкина в Нижнем, – я нахожу излишним, так как всем известно, что это был за артист и как он играл, например, «Матроса» в драме того же имени, в «Мирандолине» и в «Москале Чаривнике». Во всех этих пьесах участвовала и я. В «Москале Чаривнике» играла я Тетяну, а в «Мирандолине» – заглавную роль. Обе эти роли проходил со мною гениальный артист, *сам* М.С. Щепкин!... В «Матросе», по молодости своей, я играла меньшую дочь – роль пустенькую, старшую же дочь Матроса играла тогда падчерица артиста В.М. Трусова, племянница знаменитого трагика П.С. Мочалова – *Мария Васильевна Мочалова*. Она так была увлечена игрою своею со М.С. Щепкиным, что, по окончании спектакля, долго не могла прийти в себя и горько плакала; плакал и сам Михаил Семенович, тогда уже почтенный старичок, – плакал, потрясённый и игрою, и приёмом публики и слезами артистки Мочаловой и моими. И как же он целовал нас и уговаривал не плакать...

О, святые воспоминания!..²

1 Существует ещё один вариант рассказа Е.Б. Пиуновой-Шмидгоф о знакомстве с Т.Г. Шевченко, очень близкого по сюжету настоящему, и оставленный в «Воспоминаниях о Шевченко» сыном актрисы Николаем Максимилиановичем Шмидтгофом. Опубликован в журнале «Литературный современник» за 1939 год, № 3, С. 198 – 204 (Ред.).

2 О дебютах Е.Б. Пиуновой Шмидгоф в 1858 году на сцене Нижегородского театра, о приезде М.С. Щепкина – вот что говорилось в «Нижегородских Губернских Ведомостях» за 1858 год № 5:

«Г-жа Пиунова обладает всеми задатками сценического искусства, а вместе с молодостью её, конечно, подаёт большие надежды. Но мы не скроем, что самые успехи её порождают и большие требования. Сколько можно судить, г-жа Пиунова с особенным

«В доброе старое время» бенефис был «наградой», которая давалась только «первым сюжетам». Бабушка моя – Настасья Ивановна Пиунова – была в числе «первых» артисток, а отец «управляющим» театра, ну они и имели «общий» бенефис; а так как я была с шести – семилетнего возраста «плясуньей» и «артисткой», и часто, и не без успеха являлась на сцене, то, желая, конечно, сделать, возможно, большой сбор с бенефиса, мои родители делали и меня участницей их сценического праздника, печатая на афише, что «такого-то числа» представлено будет «в пользу Пиуновых» – «то-то и то-то»...

Обыкновенно и я в эти спектакли получала подарки. Тогда существовала даже мода бросать прямо деньги на сцену в «шёлковых и бисерных кошельках», а то и просто завернутыми в бумажку!..

Конечно, деньги бросались не большие, чаще всего мелкой серебряной монетой. В то время серебро, платина и золото были ходячими деньгами, не то, что теперь, – когда почти никакой монеты, кроме медной, за бумажками, почти не видать!

Так вот, бывало, по рассказам моих родителей, – я и соберу во время бенефиса рублей с десять – пятнадцать, из брошенных мне на сцену мелких монет.

Впрочем, общий с родными бенефис был у меня только в самом раннем детстве, а по возвращении моём из Москвы, я, по желанию глубоко мною чтимого начальника нашей губернии, князя Урусова, не только была принята на службу в театр, с *окладом в 10 р.* в месяц, но, по его же желанно, *мне был подарен и бенефис*. В это время бабушка моя была уже очень стара, получала очень маленькое жалованье, т. к. она уже не была тогда «первым сюжетом», у отца же моего была огромная семья, – ввиду всего этого, чтобы несколько поддержать нас, и назначен мне был бенефис, повторяю – по желанию князя, большого покровителя театра, которому я была очень много обязана, о чём расскажу ещё далее.

Сбор с моего бенефиса всецело поступал в мою пользу, за исключением 30 р. вечеровых, которых было вполне достаточно на все эти расходы, – не то, что теперь: тогда не было ни «авторских», ни газового освещения, ни страшных окладов, и т. п., что теперь вынуждает давать бенефицианту только «половину сбора» и вычитать значительную сумму «на вечеровые».

Правда, благодаря дешевизне цен на места, сборы с бенефисов были небольшие, но они значительно пополнялись *призами*, т. е. лишней платой за билеты, против объявленных цен. Чтобы достигнуть хорошего сбора, прежде всего, конечно, нужно было – *быть любимым публикой*, а затем ещё помогали и «визиты», т. е. следующий приём. Два, а то и три дня нужно было ездить с билетами «из дома в дом»!..

Для этого, кто из артистов был побогаче, нанимал двух извозчиков – на одном из них «мчался» впереди лакей, или то, что называется «капельдинер», а уже сзади, в некотором расстоянии, артист-бенефициант. Таким порядком «ездили из дома в дом»... Где принимали, то – по ма-

пристрастием выбирает роли наивно-милых девушек. Слова нет: это лучшие её роли; но она не должна забывать, что в них же кроется однообразие и легкость, которые могут вредить её таланту.

Мы искренно думаем, что она может смело расширить свой репертуар, труда будет больше и вдумываться в роли нужно будет серьезнее; но зато талант развернётся шире. Наше мнение подтверждает сама г-жа Пиунова: в комедии Островского «Бедность не порок» она играла разбитную вдовушку, и выполнила роль эту с большим тактом, а тут, конечно, обыкновенными способностями не обойдётся, особенно в 17 лет. Сюда же можно отнести и роль Татьяны в «Москале – Чаривнике»; пьеса эта была поставлена в два дня, по желанию Михаила Семёновича Щепкина, приехавшего случайно в Нижний и согласившегося участвовать в 3-х спектаклях, и, не смотря на спешность постановки, а также незнание малороссийского языка, – *г-жа Пиунова, в роли Татьяны, была очень хороша, так что наш ветеран-артист был в восторге и говорил, что он ни с кем с таким удовольствием не играл, а мнение М.С. Щепкина может служить авторитетом*. В нашей милой г-же Пиуновой он принял сердечное участие, советовал ей серьезно трудиться и, конечно, советы и напутствия вполне оценены ею». (Н.Ф. Юшков)

новению руки капельдинера – подкатывать к крыльцу и артист, а где не желали принять, то, не теряя своего достоинства, – катил дальше. Мне же приходилось поступать «на другой манер». Садилась я в один экипаж, рядом с капельдинером, преследовать «заветную цель». Замечу, что капельдинера из кожи лезли, хлопоча «втереть» билеты, и были большие мастера своего дела. Так, например, подъезжая к домам разных лиц, они, бывало, раньше предупредят спутника-артиста, что вот тут, приготовьтесь, – примут; и действительно, – принимают!... Возьмут билет и заплатят хорошо...

«Бенефисные объезды», особенно по зимам, бывали иногда просто мученьем!.. Шубка-то подбита «собоями – ватными», да «артистическим жаром», ну дрожь и проберет пока – шутка-ли? – весь город объедем!... И, Боже оборони кого забыть – обида страшная!.. Бывало, спрашивают, где примут: «Были-ли вы там-то?» «Будут ли те-то?» – и, смотря по ответу, оказывают ласку и внимание. Бывало и так что даже и сесть не предлежат, а высыпет в залу вся многочисленная семья, уставится смотреть на тебя с ног до головы, как на зверя какого; возьмёт глава дома афишу, да и начнёт делать разные замечания на счет выбора пьесы, распределения ролей и т. п., и, в конце концов, хорошо еще, если милостиво скажут: «Ну, уж, делать нечего – давайте ложу!» И, получа желаемое, сами тотчас промолвят «прощайте!»... Тяжело, бывало, станет на душе, горько, обидно, – а что делать? – Нужда!.. Слава Богу, что этот обычай вышел из употребления как-то сам собой в начале 60-х годов...

А раз, во время «объезда», вот что со мною случилось. Приняли меня в одном доме и приняли очень ласково. Посадили и всё расспрашивали: сколько жалованья получаю? Велико ли у отца семейство?, и т. п. Я, конечно, рассказываю. Взяли билет, отдали деньги, а «на придачу» просили взять *надёванное вчера на бал тарлатановое платье*... Это меня ужасно обидело; а защититься от такого «подарка-подачки» ума и смелости не хватило!... Иду, с подарком в руках, к сопровождавшему меня капельдинеру-спутнику, и чуть не плачу, а он-то «в телачий восторг ударился!... «Вот, – говорит, – барышня, какой подарок получили!»

Рассказывала я этот случай и покойному М.С. Щепкину, так как он, во время своего короткого пребывания в Нижнем, каждый свободный вечер проводил со мною, и Шевченко. Выслушав, с улыбкой, мой рассказ он и говорит: «Ну, дитя мое, это ничего. Я не думаю, чтобы тебя желали обидеть, а склонен видеть в этом поступке доброе движение души той особы, которая наградила тебя своим платьем, и в свою очередь расскажу тебе случай со мною в Москве. Когда я стал хорошим актёром, то дирекция дала мне бенефис и вот и я также отправился с визитами, но не так как ты – «из дома в дом» – но к лицам, стоящим высоко по своему социальному положению и, конечно, везде был более или менее вежливо принят, а где так и радушно-горячо. Счастливый гордый такими приёмами и успехами, я, однако, против ожидания, в одном доме, как сначала показалось, получил горькую обиду. Приезжаю я к одному высокопоставленному лицу. Принимает он меня в зале и, не приглашая даже садиться, звонит и говорит вошедшему лакею: «Отведи г. Щепкина к Аграфёне Яковлевне, пусть напоят его кофе!..» Я был до того озадачен, что, молча, поклонился «любезному» хозяину и последовал за молчаливым камердинером, который и привел меня в столовую, где, повидимому, только что кончили завтрак и где, кроме экономки Аграфены Яковлевны, уже никого не было!... Налила она мне чашку кофе и ведь я её выпил, едва справляясь с чувством негодования. Когда же я поуспокоился, да поразмыслил, – то пришел к заключению, что меня вовсе и не желали обидеть, напротив... Но только форма-то ласки и внимания была груба, потому что в этот дом ещё не проникло понятие о «равенстве», о достоинствах актёра – человека. Ну, а всё же было мне – сказал Михаил Семёнович – горько и обидно – ведь я тогда был уже признанным артистом и человеком далеко немолодым, а ты ещё такой «поросёнок», которому – *всякое даяние – благо!*..»

Этому заключению рассказа до слёз смеялся Тарас Григорьевич Шевченко и говорил: «От так угостили тебя (т. е. Михаила Семёновича) – кофе, а ты Катрусю – поросёнком»!..

Во время моего детства в Нижнем был самый строгий критик сцены, как оперной, так и драматической, – генерал Улыбышев – человек высокообразованный и страстный любитель театра, не пропускавший буквально ни одного спектакля ни сам, ни, по его желанию, его семья!.. Он имел постоянно абонированное кресло в 1-м ряду для себя и литерную боковую ложу – для семьи. Генерала все артисты страшно боялись, и все из кожи лезли угодить ему. Когда чья-либо игра удовлетворяла «генерала» (как все его звали), то он выражал это киванием своей, убелённой сединами, головы и обращением в свою ложу, с тем же знаком одобрения; – если же играли дурно – он сидел вполне спокойно и, как только спускался занавес, выражал *громко* своё суждение окружающим знакомым, – а его знакомые были весь город!..

Раз играли «Разбойников» Шиллера. Генерал проглядел два акта и уходит... Это сильно удивило всех, потому что, повторяю, все привыкли видеть его в театре от начала до конца, почему и подумали, что «генералу» дурно. Тогда полицеймейстер встал, подошёл к уходящему генералу и говорит: – «Что с вами, ваше превосходительство»? Тот отвечает: «А что?» – «Да вы уезжать изволите?» – «Да что-же мне тут делать? Я приехал смотреть Шиллеровских «Разбойников», а это «жулики макарьевские» – так вот вы и смотрите!..»

Значит, уж действительно хорошо играли!.. И этот «анекдот – факт» долго ходил из уст в уста.

Одна из дочерей генерала Улыбышева вышла замуж за Вильде, – впоследствии не безызвестного московского артиста и драматурга, – но тогда ещё и не думавшего о поступлении на сцену. Я полагаю, что начало увлечения им сценой развилось у него в семье Улыбышева, потому и сам Улыбышев и вся его семья были увлечены сценой и у них часто устраивались домашние спектакли.¹

1 В заключение этой главы, передадим со слов Екатерины Борисовны кое-что о другом Нижегородском «генерале» – также большом любителе театра и его покровителе – бывшем нижегородском губернаторе, князе Урусове. Кажется даже, что при начале антрепризы Смолькова собственно князь «держал театр».

Князь Урусов почти с первого выхода на сцену обратил внимание на талантливого ребенка Екатерину Борисовну Пиунову и, как мы уже знаем, по его желанию, ей назначили и жалованье и бенефис. Но был в жизни Екатерины Борисовны и ещё случай, где выразилось доброе сердце князя. Как-то, по возвращении уже из Москвы, во время танцев, маленькая Пиунова наколола ногу гвоздём, случайно очутившимся на полу сцены. Малышка заболела. Так вот, князь Урусов, ежедневно являясь в театр, всегда вызывал к себе отца её и спрашивал о здоровье дочери, а как её болезнь затянулась, – то он настоял, чтобы её переместили в больницу, где ей отвели светлую, просторную комнату. Князь почти ежедневно приезжал к ней, дарил ей кукол и подолгу засиживался у постели малышки... Между тем, нога всё болела, не помогла и операция разреза ногтя, к которой приступили врачи, после того как князь, что называется, «разнёс» их, что они не могут излечить ребенка... И вот князь настоял чтобы, с открытием навигации, весною, маленькую Катю повезли «на барже» в Казань. Тогда пассажирских, собственно, пароходов не было, а ходили между Нижним и Казанью одни буксирные пароходы. Здесь, в Казани, её поместили в клинику и знаменитый в то время Ф.О. Елачич, только что начавши входить в славу, – сам произвёл ей операцию – снятие ногтя и, вскоре, нога у неё зажила и она снова возвратилась в Нижний, чтобы потом прибыть в Казань, – уже для поступления на сцену.

Прошло много-много лет. Маленькая Катя стала известной артисткой Екатериной Борисовной Пиуновой-Шмидгоф, князь Урусов оставил службу в Нижнем – и долго, долго они не видали друг друга, и только два-три года назад Е.Б. Пиунова-Шмидгоф как-то встретила князя в Нижегородском вокзале железной дороги, – и оба они искренно были обрадованы встречей... (Н.Ф. Юшков).